

ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА HISTORY OF LAW AND STATE

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-7-12
УДК 340.132

Дата: поступления статьи / Submitted: 22.02.2020
после рецензирования / Revised: 26.03.2020
принятия статьи / Accepted: 27.05.2020

Научная статья / Scientific article

В. В. Денисенко

Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Российская Федерация
E-mail: vsu_vlad@mail.ru

МЕДИАЦИЯ И НАКАЗАНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: Цель статьи – комплексное доктринальное исследование института медиации и его юридическое измерение. Для достижения данной цели проводится исторический анализ возникновения медиативных процедур в процессе формирования социального государства. Раскрыты проблемы реализации института медиации в современной правовой системе применительно к наказанию. Показана связь между процессом расширения предмета правового регулирования и медиативными процедурами в правовой системе. В статье использованы методы, необходимые для доктринального анализа медиации как правового института, а именно: формально-юридический, сравнительно-правовой и конкретно-исторический. Результатом исследования стал произведенный анализ исторического аспекта правового института медиации. Теоретическая значимость исследования заключается в разработке единой концепции медиации в контексте связи с наказанием. Обоснована необходимость понимания медиации как комплексного межотраслевого института в системе российского права. Практическая ценность состоит в оценке медиации как комплексного правового института для отечественной правовой системы в целом и судебной системы в частности.

Ключевые слова: наказание, медиация, правовая система, предмет правового регулирования, восстановительное судопроизводство, консенсус, делиберативная демократия.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00796.

Цитирование. Денисенко В. В. Медиация и наказание: история и современность // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 7–12. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-7-12>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

V. V. Denisenko

Voronezh State University,
Voronezh, Russian Federation
E-mail: vsu_vlad@mail.ru

MEDIATION AND PUNISHMENT: THE PAST AND THE PRESENT

Abstract: The purpose of this scientific publication is a comprehensive doctrinal study of the institute of mediation and its legal dimension. The historical analysis of the formation of mediation procedures in the process of historical formation of the social state is carried out. The problems of implementation of the mediation institute in the modern legal system in relation to punishment are revealed. The connection between the process of expanding the subject of legal regulation and mediation procedures in the legal system is shown. The article uses the methods necessary for doctrinal analysis of mediation as a legal institution, namely: formal-legal, comparative-legal and specifically historical. The result of the study was an analysis in the historical aspect of legal institute of mediation. Theoretical significance of the study lies in the development of a unified concept of mediation in the context of punishment. The necessity of understanding mediation as a complex inter-sectoral institution in the domestic legal system is substantiated. The practical value lies in the assessment of mediation as a complex legal institution for the domestic legal system in general and for the judicial system in particular.

Key words: punishment, mediation, legal system, subject of legal regulation, restorative justice, consensus, deliberative democracy.

Acknowledgements. The article is prepared within the scope of the supported by the Russian Foundation for Basic Research of a scientific project № 19-011-00796.

Citation. Denisenko V. V. *Mediatsiya i nakazanie: istoriya i sovremennost'* [Mediation and punishment: the past and the present]. *Iuridicheskii vestnik Samarского universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 7–12. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-7-12> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Владислав Валерьевич Денисенко – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, юридический факультет, Воронежский государственный университет, 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, 10а.

© Vladislav V. Denisenko – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Voronezh State University, 10A, Lenina Square, Building 9, Voronezh, 394006, Russian Federation.

Тема кандидатской диссертации: «Коллизии правовых актов и механизм их разрешений (теоретико-правовой аспект)». Является автором и соавтором более 170 научных и методических работ, в том числе монографий: «Принцип законности в современной интерпретации» (2019); «Кризис права: история и современность» (2018).

Область научных интересов: общая теория права, социология права, эффективность правового регулирования, источники и формы права, правотворчество, философия права, сущность права.

В современной российской юридической науке тема медиации является весьма популярной [1, с. 68]. Однако большая часть дискуссий о проблемах медиации проходит в сфере частного права, в основном в науке гражданского процесса: обсуждаются вопросы деятельности третейского суда, альтернативные способы разрешения имущественных споров и т. п. При этом вопросы медиации в публичном праве, проблемы связи примирительных процедур и наказания требуют более детального исследования. Также в настоящее время на уровне теории государства и права отсутствует единая концепция медиации, объединяющая понимание медиации как в публичном, так и в частном праве. По нашему мнению, одним из важнейших условий создания данной концепции является доктринальное осмысление медиативных процедур в контексте наказания.

Причина отсутствия единой концепции медиации носит парадигмальный характер, а именно – связана с господством в отечественной правовой науке юридического позитивизма как типа правопонимания. Медиация – это юридическая процедура посредничества, предполагающая равенство субъектов. Поэтому методология современной теории и философии права, способная объяснить необходимость института медиации, должна быть связана с идеями равенства и свободы. Такие идеи, как правило, отсутствуют в нынешней отечественной теории государства и права, основанной на юридическом позитивизме советского периода, получившего меткое название в трудах академика Вл. С. Нерсесянца – «советский легизм».

Начиная с 30-х годов XX века юридический (легистический) позитивизм был официальным типом правопонимания, сформировавшийся в отечественной доктрине узконормативный подход к праву (т. н. «советский легизм») рассматривал право и закон как синонимы. Право воспринималось как воля господствующего класса, законы государства и такой подход (несмотря на декларативные заявления о единстве народа и власти) на практике исключал равенство власти и граждан. В отечественной науке было сформировано и до сих пор достаточно популярно понимание права как механизма или инструмента, при помощи которого государство регулирует поведение граждан. Понятно, что такой подход не предполагает равенства субъектов, государственная власть рассматривается в этом случае как некий Левиафан Томаса Гоббса.

Subject of Candidate's thesis: «Conflicts of legal acts and the mechanism of their resolution (theoretical and legal aspect)». Author and coauthor of more than 170 scientific and methodological works, including monographs: «Principle of legality in modern interpretation» (2019); «Crisis of law: history and modernity» (2018).

Research interests: general theory of law, sociology of law, effectiveness of legal regulation, sources and forms of law, lawmaking, philosophy of law, essence of law.

Поэтому обосновать концепцию медиации представляется возможным лишь с позиции теории естественного права или иных непозитивистских концепций. Между тем современная теория государства и права должна выполнять свою методологическую и обобщающую роль, в данном случае это необходимо для того, чтобы институт медиации понимался как результат естественного развития общества, а не в качестве примера случайного заимствования отдельных норм из правовой системы иностранного государства.

В отечественной теории права идеи равенства находят свое воплощение в антипозитивистских доктринах, прежде всего речь идет о либертарно-правовой теории Вл. С. Нерсесянца и коммуникативной теории права А. В. Полякова. В первом случае акцент делается на формальном равенстве лиц, во втором – на взаимном признании субъектов правовых отношений. Поэтому идеи «коммуникативной и либертарной теории права – это та методологическая база, необходимая для понимания природы консенсуальных процедур в отечественном судопроизводстве» [2, с. 60–62]. В зарубежной философии права юридическое равенство и необходимость консенсуальных процедур в современный исторический период обосновано в дискурсивной теории Юргена Хабермаса, который «последовательно обосновывает идеи юридического равенства и необходимости демократических обсуждений» не только в рамках представительства, но и через демократию участия. Современный концепт демократии участия Хабермас называет делиберативной демократией, делая акцент именно на процедурах. Можно сделать вывод, что для научного понимания медиации и участия граждан в применении права необходим именно антипозитивистский подход к праву, основанный на достижениях современной социологии и философии.

Для научного понимания необходимости института медиации в современной правовой системе применительно к наказанию необходим также учет исторического аспекта формирования консенсуальных процедур в XX–XXI вв. Поэтому нужно рассмотреть последовательность обоснования медиации в современном обществе как обществе эпохи Модерна. В последние два столетия происходили значительные изменения в обществе, которые привели к формированию новых сфер правового регулирования в связи с модернизацией государства.

В гуманитарных науках категория «модернизация» понимается в трех смыслах: прежде всего как синоним всех изменений в обществе; во-вторых, как процесс перехода от общества традиционного к обществу современному (обществу эпохи Модерна) и, в-третьих, как реформы развивающихся стран, направленные на изменение законодательства, экономики по образцу наиболее развитых обществ; такой аспект называют «догоняющей модернизацией» [3, с. 17]. В российской правовой науке сложилось несколько иное понимание термина «модернизация», чем в зарубежной юриспруденции. Отечественные правоведы употребляют данный термин как синоним правовых и политических реформ, то есть как процесс совершенствования отечественного права [4, с. 30–37]. Таким образом, когда отечественные правоведы употребляют категорию «модернизация», то это часто означает анализ изменений реформируемого государства и права, между тем в зарубежной научной литературе в настоящее время категория модернизация «“догоняющего” развития рассматривается лишь как производная, вторичная категория, используется с уточняющими прилагательными “неорганическая”, “запаздывающая”» [2, с. 60]. Без дополнительных уточнений термин «модернизация» понимается в более широком смысле, как характеристика эволюции развитых обществ в процессе перехода от традиционных обществ к современным (обществам эпохи Модерна) и как дальнейшее общественное развитие. Такой, более широкий, аспект называют также «органической модернизацией».

Потребность в медиации возникает именно в современный период по причине ряда соответствующих изменений в обществе. Специфика общества эпохи Модерна обусловлена современной индустриальной экономикой, которая неизбежно разрушает нормы традиционного общества. Макс Вебер указывал, что ключевая категория, связанная с модернизацией западного общества – это «рационализм» [5, с. 206–230]. Рационализм характеризует все сферы европейского общества, от сферы экономики до сферы права. Распространение рациональных отношений одновременно приводит к таким явлениям, как «потеря свободы» и «потеря смысла». В традиционном обществе право носило магический, иррациональный характер и было основано на религиозных запретах и авторитете. В обществе эпохи Модерна происходит переход к светскому праву и требуются новые формы солидарности. Рациональное право со временем разрушает этические критерии, связанные с правом, и основывается лишь на утилитарности. В этих условиях, для того чтобы в обществе не нарастало отчуждение, необходимо демократическое участие для обеспечения легитимности закона. Необходимость медиации в обществе эпохи Модерна обосновывает в своих работах немецкий философ Аксель Хоннет. Он убедительно пишет, что необходимость участия граждан обусловлена потребностью личности в признании, а также ря-

дом неизбежных проблем, связанных с делегированием своей воли представителям [6, с. 94].

Важнейшим фактором, влияющим на распространение медиативных процедур в последние 100 лет, является расширение предмета правового регулирования, или «юридификация общества» [2, с. 56–62]. Расширение сферы правового регулирования является одним из самых обсуждаемых вопросов в зарубежной науке. В отечественном правоведении данный процесс обозначается различными категориями, например, «сверхрегулирование», «правовой взрыв», «правовой тоталитаризм» и рядом иных, но наиболее распространенным как в российской, так и в зарубежной литературе является термин «юридификация» [2, с. 56].

Данный процесс имеет долговременные исторические причины. В зарубежной науке выделяют четыре исторических этапа юридификации западного общества. «Первоначально этот процесс был связан с периодом абсолютизма, когда позитивное право монополизировало право государственного принуждения за монархом, ослабив феодальное влияние. Затем происходит расширение правового регулирования в связи с формированием либерального правового государства, когда после буржуазных революций конституционное регулирование закрепляет политические и экономические гарантии от вторжения власти. Третий этап связан с предоставлением гражданам всеобщего избирательного права, что, естественно, расширило сферу позитивного права. Наконец, четвертый этап юридификации обусловлен формированием социального государства» [2, с. 57]. Расширение сферы правового регулирования, таким образом, обусловлено эволюцией общества.

Юридификация приводит к различным последствиям в обществе, среди которых, в первую очередь, позитивные изменения. Главное позитивное изменение в обществе заключается в уменьшении экономических конфликтов в связи с выполнением государством социальных функций. Закон здесь выступает средством предотвращения и разрешения юридических конфликтов. Также положительное значение процесса юридификации заключается в увеличении гарантий прав и свобод личности.

Однако регулирование законами большинства общественных отношений в социальном государстве после Второй мировой войны привело и к негативным явлениям. В качестве таковых следует указать уменьшение эффективности права, несмотря на его количественное увеличение, а также избыток позитивного права, что вызывает сложности правового регулирования. Юридификация общества, регламентация большинства отношений позитивным правом приводит к тому, что законы становятся слишком сложными и формальными для граждан. Непонимание смысла юридических процедур приводит к кризису легитимности правовой системы.

Расширение правового регулирования приводит к феномену, который получил название «био-

политика» и стал предметом исследования в работах Мишеля Фуко и Джорджо Агамбена. Категорию «биополитика» ввел в научный оборот французский ученый Мишель Фуко: «биополитика – это политика над телом человека, политика суверенитета государства над телесностью, полная власть» [7, с. 128]. Современное государство – это лагерь с дисциплинарными практиками, где Левиафан власти осуществляет так называемую «биополитику» через юридические механизмы исключений и чрезвычайного положения. Таким образом, главнейшей задачей для современной юридической науки является исследование философско-правовой проблемы чрезвычайного положения и тех исключений, посредством которых режим законности в современных правовых системах теряет свое действие. В своих трудах Фуко использует классическую идею суверенитета, где основным правом суверена было право на жизнь и смерть своих подданных. Однако это право принципиально асимметрично – только право убивать позволяет реализовать суверенное право распоряжаться жизнью. Это означает то, что сущность суверенной власти может быть выражена формулой: «заставить умереть или позволить жить» [8, с. 68]. В XX веке, по мнению Фуко, это суверенное право превращается в свою противоположность: «заставить жить или позволить умереть».

Фуко указывает, что формирование биополитики происходило в течение нескольких столетий. В XVII–XVIII вв. тема жизни попадает в политику как тема для обсуждения. Именно в этот исторический период происходит формирование новой техники власти, направленной на «тело гражданина». Французский философ пишет о «...дисциплинарных инструментах, с помощью которых власть не подавляет, а именно, производит индивидов. К этим инструментам относятся: распределение индивидуальных тел в пространстве (в местах так называемой “дисциплинарной монотонности” – казармах, колледжах, мануфактурах, рабочих домах, тюрьмах); дрессура и муштра, призванные одновременно увеличить экономическую полезность тела и его политическую “послушность”, непрерывное наблюдение (принцип “паноптизма”); экзамен, позволяющий классифицировать индивидов и помещать их на различные иерархические уровни» [7, с. 69] и т. д. В исследованиях, посвященных биополитике, Фуко указывает, что именно в рамках техники конца XVIII – начала XIX в. все эти способы осуществления власти над телом гражданина обогащаются дополнительными приемами. В этот исторический период формируется «массофицирующая биополитика», обращенная к «человеку-роду», к множественности людей, составляющей «глобальную массу, подверженную общим процессам жизни, каковы рождение, смерть, воспроизводство, болезнь и т. д.» [7, с. 115]. Главная особенность биополитики не заменяет методы, связанные с дисциплиной, а соединяет их со своими. Это связано с различными уровнями, на которых действуют дисципли-

нарные и биополитические механизмы: с одной стороны – ряд «население – биологические процессы – регулирующие механизмы государства», с другой – ряд «тело – организм – дисциплина – институты» [7, с. 128].

Современный итальянский ученый Джорджо Агамбен формирует концепцию философско-правового характера по отношению к категории «чрезвычайное положение», используя идеи Фуко. По мнению Агамбена, чрезвычайное положение, закрепленное в современном законодательстве, производно от устройства Древнего Рима. Гарантии прав человека и режим законности действуют в современном государстве, лишь когда нет чрезвычайной ситуации, что напоминает полномочия римских правителей, которые становились неограниченными во время смуты или войны. Агамбен делает вывод: «в центре конституционной законности “прячется” абсолютный суверен, который контролирует применение или отказ от применения нормы права. Парламентская демократия – лишь маска Левиафана, а “чрезвычайное положение” не является простой ошибкой в функционировании демократического государства» [9, с. 128–140].

Агамбен раскрывает исторический процесс развития института чрезвычайного положения, когда со временем исключение настолько распространилось, что стало правилом. Например, нацистский режим после захвата власти не отменил Конституцию Веймарской республики, но объявил чрезвычайное положение, которое затем продлевалось вплоть до 1945 года. Франция и Британия как противники Германии постоянно расширяли применение чрезвычайного положения. В XXI веке ответ демократических государств (в первую очередь, США, Великобритании и Австралии) на теракты 11 сентября 2001 года иллюстрирует и подтверждает концепцию Агамбена: «...“чрезвычайное положение” фактически было введено, хотя и неявным образом. Ряд законов ограничил права и свободы и усилил надзор за гражданами и иностранцами, а применение правовых процедур и международных договоров к допросам, арестам и тюремным заключениям было на практике аннулировано действиями исполнительной власти. Помимо прочего, чрезвычайное положение в рамках “войны с террором” было установлено на весь срок “войны”, то есть на неопределенный период времени» [9, с. 36]. Таким образом, исключение уже становится правилом, а норма, наоборот, исключением.

Чрезвычайное положение, как отмечает Агамбен, должно пониматься именно как юридическая конструкция, хотя многие юристы отрицают правовую сущность этого явления, при этом его специфика заключается в том, что «чрезвычайное положение предстает здесь как правовая форма того, что правовой формы иметь не может» [9, с. 34]. Чрезвычайное положение действует через исключения, причем это относится не только к временному «упразднению права», но и

к пространственному «отрезанию» определенной территории государства. В связи с феноменами юридификации и биополитики в современном обществе актуальность приобретает правовой институт медиации применительно к проблемам наказания.

Указанные выше явления приводят к отчуждению граждан от правовых институтов, так как юридификация приводит к формализму закона, когда граждане не участвуют в принятии юридических решений и не понимают их смысл. Современный норвежский криминолог Н. Кристи раскрывает эту проблему и говорит о «конфликтах как о собственности». Кристи указывает на «необходимость участия в принятии решений самим сторонам конфликтов». Это прежде всего медиация применительно к уголовному праву, иными словами – «восстановительное правосудие», когда, за исключением тяжких преступлений, жертва преступления является участником уголовного судопроизводства. Эта процедура направлена на то, чтобы личность чувствовала свое признание в качестве равного другим, а это является основанием для признания легитимности права самой личностью, ведь как справедливо указывает Ф. Фукуяма, «потребностью каждого человеческого существа является признание его достоинства» [10, с. 19]. Актуальность медиации в уголовном праве возрастает именно в современный период, так как в связи с расширением сферы правового регулирования в XX веке происходит увеличение количества составов преступлений, в связи с чем практически любой гражданин может быть объявлен преступником и изолирован от общества. Поэтому Н. Кристи использует в отношении государств с большим количеством составов уголовных преступлений термин «опасное государство» [11; 12, с. 19] и предлагает программу медиации в уголовном и уголовно-исполнительном праве.

Итак, на основе проведенного исследования можно сделать вывод о необходимости доктринального формирования концепции медиации в отечественной юриспруденции на уровне общей теории государства и права. Прежде всего медиация необходима для поддержания легитимности закона в обществе, так как если в традиционном обществе право легитимировалось посредством религии, то в условиях светского государства необходима легитимация через демократические процедуры. Невозможность идентифицировать себя в современном социальном государстве с каким-либо сословием или иной социальной группой приводит к одиночеству и отчуждению от позитивного права, но при этом возникает потребность в новых формах солидарности. Медиативные процедуры имеют исторические причины, которые связаны с феноменом формирования современного общества. Расширение предмета правового регулирования приводит к воздействию на большинство общественных отношений правовых норм, которые заменяют в социальном государстве иные общественные правила. В связи с этим возникает

проблема обеспечения гарантий прав личности и замена законности целесообразностью. Режим, полностью контролирующей жизнь человека, используя категории М. Фуко, становится «биополитическим». Если в традиционном обществе (в европейских странах этот период заканчивается в XX веке) позитивное право занимает небольшую нишу в регламентации общественных отношений, то при переходе к современному обществу эпохи Модерна, по сути, замещает собой иные регуляторы.

Сам по себе процесс расширения сферы действия закона неизбежен в условиях социального государства и направлен на защиту прав личности. Однако при этом процесс прогрессирующего рационализма, связанный с экспансией права, приводит к феномену «стальной клетки» (категория М. Вебера), когда в социальном государстве у граждан меньше свободы, чем у рабов Древнего Египта [4]. Необходимость медиации в условиях современного государства и общества связана с делегированием прав граждан компетентным публичным органам и должностным лицам. Аксель Хоннет отмечает, что «необходимость участия граждан обусловлена потребностью личности в признании, а также рядом неизбежных проблем, связанных с делегированием своей воли представителям» [6]. Участие граждан в юридических процедурах без делегирования своих прав позволяет преодолеть проблему исключений в праве, которые формируют режим чрезвычайного положения в современных правовых системах. Возможность выбора неформальных процедур позволяет гражданам выражать свои интересы, которые не будут искажены процедурой передачи воли.

Таким образом, необходимость развития медиативных процедур в российской правовой системе актуальна как в отраслях частного права, так и в публичных правоотношениях.

Библиографический список

1. Носырева Е. И. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 362 с.
2. Денисенко В. В. Юридификация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 2. С. 56–62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12228012>.
3. Тихомиров Ю. А. О модернизации государства // Журнал российского права. 2004. № 4. С. 3–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21244438>.
4. Денисенко В. В. Иррациональные и рациональные правовые системы и легитимация в них закона // Правоведение. 2014. № 4. С. 30–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24363846>.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. Москва, 1990. 648 с. URL: http://towerlibertas.ru/wp-content/uploads/2013/10/Max_Veber_-_Protestantskaya_etika_i_duk_kapital.pdf.
6. Honneth A. Kampf um Anerkennung. Frankfurt/Main, 1994.

7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц.; под ред. И. Борисовой. Москва: Ad Marginem, 1999. 383 с. URL: https://vk.com/wall-68638203_2381.

8. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с франц. Санкт-Петербург: Наука, 2005. 311 с. URL: <https://b-ok.cc/book/3276279/774d35>.

9. Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение. Москва: Изд-во «Европа», 2011. 148 с. URL: https://royallib.com/book/dgordgo_agamben/homo_sacer_chrezvichaynoe_pologenie.html.

10. Фукуяма Ф. Доверие. Москва: АСТ: Хранитель, 2006. 730 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/fukuyama-doverie-a.htm>.

11. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / пер. с англ. Москва: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1998. 354 с. URL: http://gc-pmss.ru/files/pdf2017/vosstanovitelnoe_pravosudie.pdf.

12. Кристи Н. Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних: перспективы развития / пер. с англ. Москва: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. Вып. 1. URL: <https://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2013/11/Kristi.pdf>.

References

1. Nosyreva E. I. *Al'ternativnoe razreshenie grazhdansko-pravovykh sporov v SShA: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Alternative resolution of civil law disputes in the United States: thesis of doctoral degree in law]. Voronezh, 2001 [in Russian].

2. Denisenko V. V. *Yuridifikatsiya obshchestva i kontseptsii pravovogo regulirovaniya* [Juridification of society and concepts of legal regulation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Proceedings of VSU. Series: Law], 2008, no. 2, pp. 56–62. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12228012> [in Russian].

3. Tikhomirov Yu. A. *O modernizatsii gosudarstva* [About the modernization of state]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2004, no. 4, pp. 3–17. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21244438> [in Russian].

4. Denisenko V. V. *Irratsional'nye i ratsional'nye pravovyye sistemy i legitimatsiya v nikh zakona* [Irrational and rational legal systems and legitimation of a statute in them]. *Pravovedenie*, 2014, no. 4, pp. 30–40. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24363846> [in Russian].

5. Weber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. Per. s nem.* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Translation from German]. Moscow, 1990. Available at: http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2013/10/Max_Weber_-_Protestantskaya_etika_i_dukh_kapital.pdf [in Russian].

6. Honneth A. *Kampf um Anerkennung*. Frankfurt/Main, 1994.

7. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. Per. s frants.; pod red. I. Borisovoy* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison. Translation from French; I. Borisova (Ed.)]. Moscow: Ad Marginem, 1999, 383 p. Available at: https://vk.com/wall-68638203_2381 [in Russian].

8. Foucault M. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnoy godu. Per. s frants.* [The need to protect society: course of lectures delivered at the Collège de France in 1975–1976 academic year. Translation from French]. Saint Petersburg: Nauka, 2005, 311 p. Available at: <https://b-ok.cc/book/3276279/774d35> [in Russian].

9. Agamben G. *Homo sacer. Chrezvichaynoe polozhenie* [Homo sacer. State of emergency]. Moscow: Izd-vo «Evropa», 2011, 148 p. Available at: https://royallib.com/book/dgordgo_agamben/homo_sacer_chrezvichaynoe_pologenie.html [in Russian].

10. Fukuyama F. *Doverie* [TRUST: The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Moscow: AST: Khranitel', 2006, 730 p. Available at: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/fukuyama-doverie-a.htm> [in Russian].

11. Zer H. *Vosstanovitel'noe pravosudie: novyy vzglyad na prestuplenie i nakazanie. Per. s angl.* [Changing lenses: a new focus for crime and justice. Translation from English]. Moscow: MOO Tsentr «Sudebno-pravovaya reforma», 1998, 354 p. Available at: http://gc-pmss.ru/files/pdf2017/vosstanovitelnoe_pravosudie.pdf [in Russian].

12. Kristi N. *Konflikty kak sobstvennost'* [Conflicts as property]. In: *Pravosudie po delam nesovershennoletnikh: perspektivy razvitiya. Per. s angl.* [Juvenile justice: prospects for the development. Translation from English]. Moscow: MOO Tsentr «Sudebno-pravovaya reforma», 1999, issue 1. Available at: <https://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2013/11/Kristi.pdf> [in Russian].